

Доказательства недопустимы, если информация получена с нарушением основополагающих принципов уголовного судопроизводства, касающихся права пользоваться языком, которым владеет лицо, права на защиту и права на справедливое судебное разбирательство.

Отказ от защитника, если лицо, имеющее право на защиту, ранее ходатайствовало об участии защитника

Часть 2 статьи 88 Уголовно-процессуального закона предусматривает дополнительную гарантию права на защиту для лица, ранее ходатайствовавшего об участии защитника. А именно, если лицо, имеющее право на защиту, ходатайствовало об участии защитника, отказ от защитника может быть осуществлен только в присутствии защитника.

Доказательства, полученные путем допроса лица, имеющего право на защиту, и проведения проверки показаний на месте без участия защитника, если это лицо, будучи предварительно допрошенным, ясно указало, что будет давать показания только в присутствии защитника, признаются недопустимыми и недопустимыми в качестве доказательств, поскольку получены с нарушением основополагающих принципов уголовного судопроизводства, касающихся права на защиту и права на справедливое судебное разбирательство.

Сенат Латвийской Республики

Уголовный департамент

10 ноября 2020 г.

РЕШЕНИЕ

Дело № 15890007015, СКК-127/2020

[ECLI:LV:AT:2020:1110.15890007015.20.L](https://ecli.lv/at/2020/1110.15890007015.20.L)

В состав суда входят: сенаторы Ингуна Радзевича, Артурс Фрейбергс, Петерис Опинцанс.

рассмотрел в письменном производстве уголовное дело по кассационному протесту прокурора Специализированной прокуратуры по борьбе с организованной преступностью и другими секторами Елены Каминской на решение Рижского окружного суда от 26 сентября 2019 года.

Описательная часть

[1] Решением Рижского окружного суда от 12 июня 2018 года [человек А], персональный идентификационный номер [...], признанный признан виновным в совершении уголовного преступления, предусмотренного статьей 253.1, частью 3 Уголовного закона¹ приговорен к лишению свободы сроком на 5 лет и 6 месяцев с испытательным сроком на 2 года;

признанный виновным в совершении уголовного преступления, предусмотренного статьей 190.1, частью 3 Уголовного закона¹ и приговорен к лишению свободы сроком на 3 года и испытательному сроку на 2 года, с лишением права осуществлять предпринимательскую деятельность в сфере импорта и экспорта сроком на 3 года;

признанный признан виновным в совершении уголовного преступления, предусмотренного статьей 253.1² части первой Уголовного закона, и приговорен к лишению свободы сроком на 2 года и 6 месяцев с испытательным сроком на 2 года;

признанный признан виновным в совершении уголовного преступления, предусмотренного статьей 190.1 части 1 Уголовного закона,³ и приговорен к лишению свободы сроком на 1 год.

В соответствии со статьей 50, частями первой и третьей Уголовного закона окончательное наказание для [лица А] составляет 7 лет лишения свободы, испытательный срок - 3 года, а также лишение права осуществлять предпринимательскую деятельность в сфере импорта и экспорта сроком на 3 года.

[2] Решением Рижского окружного суда от 12 июня 2018 года [лицо А] признано виновным и приговорено

по статье 253.1 части третьей Уголовного закона⁴ за то, что он в составе организованной группы незаконно приобрел, хранил и перевозил наркотические вещества в крупном размере в целях сбыта;

по статье 190.1 части 3 Уголовного закона⁵ за незаконную перевозку наркотических средств в крупном размере через государственную границу Латвийской Республики в составе организованной группы;

по статье 253.1 части первой Уголовного закона за то, что он незаконно приобрел, хранил и перевозил наркотическое вещество с целью сбыта;

по статье 190.1 части 1 Уголовного закона⁶ за незаконный провоз наркотических средств через государственную границу Латвийской Республики.

[3] Решением Рижского окружного суда от 26 сентября 2019 года при рассмотрении дела в апелляционном порядке в связи с апелляционными жалобами адвокатов подсудимого [лица А] Рады Матюшиной и Эрикса Шталберга решение Рижского окружного суда от 12 июня 2018 года было отменено в части признания [лица А] виновным и назначения наказания по статье 253.1⁷ части третьей, статье 190.1⁸ части первой, статье 253.1⁹ и части первой статьи 190.1 Уголовного закона¹⁰, в части окончательного приговора в соответствии со статьей 50 частей первой и третьей Уголовного закона, а также в части начала течения срока наказания в виде лишения свободы.

редакции от 1 апреля 2013 года), и приговорено к штрафу в размере пяти минимальных месячных заработных плат или 2150 евро;

[3.2] [Лицо А] было признано невиновным в совершении уголовного преступления, предусмотренного статьей 253.1¹¹ части 3 Уголовного закона, и оправдано;

[3.3] [Лицо А] было признано невиновным в совершении уголовного преступления, предусмотренного статьей 190.1¹² части 3 Уголовного закона, и оправдано;

[3.4] [Лицо А] признано невиновным в совершении уголовного преступления, предусмотренного статьей 190.1¹³ части первой Уголовного закона, и оправдано.

[3.5] В остальной части решение суда первой инстанции оставить без изменения.

[4] Относительно решения Рижского окружного суда от 26 сентября 2019 года прокурор Елена Каминска из Специализированной прокуратуры по борьбе с организованной преступностью и другими секторами подала кассационный протест, в котором просит отменить решение суда в полном объеме и направить дело на новое рассмотрение в апелляционный суд.

Прокурор обосновал свое ходатайство следующими доводами.

[4.1] Апелляционный суд необоснованно оправдал обвиняемого [лица А] в совершении преступлений, предусмотренных статьей 190.¹, частью 1, статьей 190.¹, частью 3 и статьей 253.¹, частью 3 Уголовного закона. Признав сведения, содержащиеся в показаниях [лица Б] ([лица Б]) и протоколах предъявления для опознания по фотографиям, о недопустимости доказательств, апелляционный суд неправильно применил Общую часть Уголовного закона и статью Уголовного закона, квалифицирующую уголовное преступление. Кроме того, суд допустил существенные нарушения Уголовно-процессуального закона в понимании статьи 575, части 3 настоящего Закона, что привело к вынесению незаконного решения.

[4.2] Из описания преступления, данного судом первой инстанции, и материалов дела следует, что между обвиняемым [лицом А] и другими лицами, указанными в настоящем уголовном производстве, в отношении которых уголовное производство выделено в отдельное производство, имело место соглашение о совместном совершении преступлений, предусмотренных статьей 253.¹, частью 3 и статьей 190.¹, частью 3 Уголовного закона, и каждый из членов организованной группы выполнил определенные обязанности по реализации общего преступного умысла.

Суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу, что в соответствии с ранее достигнутым соглашением и распределением ролей в организованной группе в обязанности обвиняемого [лица А] входило несанкционированное приобретение наркотического вещества – кокаина – в крупном размере на территории Аргентины и уведомление об этом участников организованной группы в Литве и Латвии, бронирование гостиницы для лица, которое должно было незаконно доставить кокаин в Латвию, встреча указанного лица в Аргентине и предоставление ему капсул с кокаином, встреча указанного лица по месту его жительства в Латвии, получение и распространение кокаина среди участников организованной группы и его последующая реализация с целью получения прибыли.

лица, в отношении которого уголовное производство выделено в отдельное производство – [личн. С] ([личн. С]) – входил розыск лица, которое намеревалось незаконно перевезти капсулы кокаина из Аргентины в Латвию, ознакомление данного лица с другими членами организованной группы, принятие мер по подготовке и оформлению документов для вылета данного лица из Латвии в Аргентину, оплата авиабилетов, доставка данного лица в Ригу в день вылета и встреча в международном аэропорту «Рига».

В обязанности лица, в отношении которого уголовное производство выделено в отдельное производство – [лицо D] – входили заказ и приобретение авиабилетов, доставка лица, которое должно было незаконно перевозить капсулы кокаина из Аргентины в Латвию, в международный аэропорт «Рига», а также обеспечение его авиабилетами и денежными средствами на покрытие расходов, которые возникли бы в

связи с реализацией совместного преступного умысла участников организованной группы.

лица, в отношении которого уголовное производство выделено в отдельное производство – [личн. Э] ([личн. Э]) – входила доставка в Ригу в день отъезда и встреча в Рижском международном аэропорту лица, капсулы кокаина которого из Аргентины должны были быть нелегально перевезены в Латвию, а также доставка членов организованной группы к [личн. А] по адресу [адрес].

В свою очередь, в обязанности лица, в отношении которого уголовное производство выделено в отдельное производство – [лицо Б] – входила незаконная переправка капсул кокаина из Аргентины в Латвию и передача их членам организованной группы.

Такие действия всех участвующих лиц соответствуют признакам организованной группы, указанным в статье 21 Уголовного закона. Кроме того, суд первой инстанции правомерно установил факт распределения обязанностей, основанный на согласованных действиях обвиняемых и их активных действиях. Полученные по делу доказательства, включая показания самих участников организованной группы и их телефонные разговоры, показания сотрудников полиции [лиц. Ф], [лиц. Г], [лиц. Х] и [лиц. И], показания свидетелей [лиц. Й], [лиц. К], [лиц. Л], [лиц. М], [лиц. Н], [лиц. О], [лиц. П] и [лиц. Р], информация, содержащаяся в протоколах предъявления лиц для опознания и протоколах обыска, подтверждают, что каждый из обвиняемых исполнял свою роль в уголовных преступлениях, и, более того, все обвиняемые активно участвовали в процессе извлечения кокаина из тела [лица Б].

В связи с вышеизложенным апелляционный суд, признав [лицо А] невиновным в совершении уголовных преступлений, предусмотренных статьей 253.1 частью 3 и статьей 190.1 частью 3 Уголовного закона, неправильно применил Общую часть Уголовного закона и статью 1 Уголовного закона, квалифицирующую уголовное преступление, и тем самым допустил нарушение статьи 511, части 2 Уголовно-процессуального закона.

[4.3] Апелляционный суд, признав содержащиеся в показаниях и протоколах предъявления лиц для опознания по фотографиям сведения лица, в отношении которого уголовное производство выделено в отдельное производство – [лицо Б], – недопустимыми доказательствами в соответствии со статьей 130, частью первой и статьями 3 и 4 части второй Уголовно-процессуального закона, не оценил эти доказательства в соответствии с положениями статьи 130, части третьей Уголовно-процессуального закона в совокупности с другими доказательствами, полученными по делу.

На допросе 22 августа 2013 года [лицо Б] указало, что желает давать показания на понятном ему русском языке, и пояснило, что, к сожалению, на тот момент у него не было адвоката.

На допросе 4 октября 2013 года в Олайнской тюрьме [лицо Б] указало, что желает давать показания на понятном ему русском языке без присутствия адвоката, и пояснило, что изъятый врачом кокаин он принял для личного употребления.

Также на допросах 9 и 10 октября 2013 года [лицо Б] подтвердило, что желает давать показания на понятном ему русском языке, без присутствия адвоката. При этом [лицо Б] дало подробные показания о роли каждого из членов организованной группы в совершении преступлений.

Более того, в конце протоколов допросов [лицо Б] собственноручно на правильном русском языке указало, что оно ознакомилось с протоколами и что записанное в них соответствует тому, что оно говорило на допросе.

11 октября 2013 года [лицо Б] опознало [лицо А] по фотографиям. Учитывая, что на момент предъявления для опознания [лицо А] содержалось под стражей за границей, [лицо Б] была показана фотография [лица А] вместе с фотографиями двух других лиц. После предъявления для опознания [лицо Б] в присутствии переводчика пояснил, по каким признакам и приметам он опознал [лицо А]. Кроме того, перед предъявлением для опознания руководящий процесс допросил [лицо Б] об обстоятельствах, при которых он увидел опознаваемый предмет, а также о признаках и приметах предмета, по которым он мог его опознать. Таким образом, производя предъявление для опознания, руководящий процесс выполнил положения статей 175–177 Уголовно-процессуального закона. Аналогичным образом, [лицо Б] опознало ещё четырёх лиц, в отношении которых он ранее давал показания, и в ходе опознания подробно пояснил, по каким признакам и приметам он опознал этих лиц.

Кроме того, 22 и 23 октября 2013 года была проведена проверка показаний [лица Б.], в ходе которой он неоднократно заявлял о желании давать показания на понятном ему русском языке без присутствия адвоката и подтвердил данные им ранее показания.

Ошибочно признав указанные доказательства недопустимыми и, как следствие, не оценив достоверность, достаточность и допустимость всех полученных по делу доказательств, суд апелляционной инстанции допустил нарушения статей 124, 127, 511 и 512 Уголовно-процессуального закона, которые признаются существенными нарушениями Уголовно-процессуального закона в понимании статьи 575 части третьей настоящего Закона и привели к принятию незаконного решения.

[4.4] Апелляционный суд незаконно и необоснованно переквалифицировал действия обвиняемого [лица А] из части первой статьи 253.1 Уголовного закона^в часть первую статьи 253.1 Уголовного закона, необоснованно исключив из обвинительного заключения квалифицирующий признак преступления – совершение преступного деяния в целях реализации, а также необоснованно признал [лица А] невиновным и оправдал его по обвинению, предусмотренному частью первой статьи 190.1 Уголовного^{закона}.

Апелляционный суд установил, что в деле отсутствуют доказательства того, когда, где и при каких обстоятельствах [лицо А] приобрело листья коки, а также доказательства переправки этих веществ через границу Латвии. В то же время из материалов уголовного дела следует, что сам обвиняемый [лицо А] на протяжении всего уголовного процесса последовательно давал показания о том, что в 1998 году приобрел в Венесуэле 194,680 г листьев коки в качестве сувенира, привёз их в Латвию и хранил по месту жительства до момента их изъятия сотрудниками полиции. Учитывая, что у Апелляционного суда нет сомнений в дееспособности обвиняемого [лицо А], непонятно, почему Апелляционный суд не верит показаниям [лицо А] о приобретении листьев коки в Венесуэле и их переправке в Латвию в 1998 году. Апелляционный суд пришёл к выводу, что показания обвиняемого [лицо А] в этой части не подтверждаются другими доказательствами по делу, однако на эти доказательства она не ссылалась.

Исключив из обвинительного заключения [лица А] приобретение и хранение листьев коки в целях сбыта, суд апелляционной инстанции не оценил все собранные по

делу доказательства в совокупности и во взаимосвязи. Решение суда в этой части противоречиво, необоснованно и незаконно, поскольку суд неправильно применил статью Уголовного закона при квалификации преступления.

Тематическая часть

[5] Сенат признает, что решение Рижского окружного суда от 26 сентября 2019 года следует оставить без изменений, а кассационный протест прокурора следует отклонить.

[5.1] Статья 572 Уголовно-процессуального закона гласит, что кассационная жалоба или протест должны содержать обоснование выраженных в них требований со ссылкой на нарушение уголовного или уголовно-процессуального закона.

Статья 573 части первой Уголовно-процессуального закона гласит, что законность решений проверяется в кассационном порядке только в том случае, если требование, выраженное в кассационной жалобе или протесте, основано на нарушении Уголовного закона или существенном нарушении Уголовно-процессуального закона.

В соответствии со статьей 584 Уголовно-процессуального закона проверка законности судебного решения осуществляется в пределах и пределах требований, изложенных в кассационной жалобе или протесте. Суд кассационной инстанции вправе выйти за пределы и пределы требований, изложенных в кассационной жалобе или протесте, в случаях, если им установлены нарушения, предусмотренные статьями 574 и 575 Уголовно-процессуального закона, которые не указаны в жалобе или протесте. Однако, выход за пределы и пределы кассационной жалобы или протеста не может ухудшить положение обвиняемого.

Учитывая содержание кассационного протеста прокурора и соблюдая указанные выше положения Уголовно-процессуального закона, Сенат признает, что в данном случае к компетенции суда кассационной инстанции относится решение вопроса о том, содержатся ли в кассационном протесте прокурора доводы, которые могут служить основанием для отмены постановления суда апелляционной инстанции.

[5.2] Апелляционный суд на основании статьи 519, пункта 1 Уголовно-процессуального закона признал обвиняемого [лицо А] невиновным в предъявленных ему обвинениях в соответствии со статьей 253.¹ частью 3 и статьей 190.¹ частью 3 Уголовного закона и оправдал его на том основании, что правонарушение, совершенное обвиняемым, не является уголовным преступлением.

Апелляционный суд установил, что обвинение против [лица А] относительно его роли в организованной группе и участия в уголовных преступлениях, предусмотренных статьей 253.¹ , частью третьей и статьей 190.¹ , частью третьей Уголовного закона, решительно основано на информации, содержащейся в показаниях свидетеля [лица Б], данных 9 и 10 октября 2013 года, и в протоколах от 22 и 23 октября 2013 года относительно проверки показаний на месте. В то же время апелляционный суд признал эту информацию недопустимой и недопустимой в качестве доказательства в соответствии со статьей 130, частью первой и статьями 3 и 4 Уголовно-процессуального закона, указав, что она была получена с нарушением основных принципов уголовного судопроизводства, закрепленных в статьях 11, 20 и 15 Уголовно-процессуального закона, относительно права использовать язык, которым владеет лицо, права на защиту и права на справедливое судебное разбирательство.

[5.2.1] Обосновывая свои выводы частично тем, что информация, содержащаяся в показаниях, данных свидетелем [перс. Б] 9 и 10 октября 2013 года, была получена с нарушением основополагающего принципа уголовного судопроизводства о праве лица пользоваться языком, которым оно владеет, апелляционный суд указал, что свидетель [перс. Б] знает литовский язык, но 9 и 10 октября 2013 года был допрошен в качестве подозреваемого на русском языке без переводчика. Кроме того, из протоколов допросов не ясно, кто перевел первую страницу бланка протокола допроса [перс. Б], на которой на латышском языке содержится пояснение [перс. Б] о том, что ему разъяснено право не давать показания, и в то же время предупреждено, что все, что будет сказано, может быть использовано против него, а также латышского [перс. Б]. Б] подтверждение того, что он, реализуя свои права, отказался от защитника, причем этот отказ был добровольным по собственной инициативе [лица Б], в соответствии с требованиями статьи 88 Уголовно-процессуального закона.

На заседании суда апелляционной инстанции [лицо Б] не подтвердило свои показания, данные 9 и 10 октября 2013 года, и указало, что латышским языком оно не владеет вообще, а русским языком не владеет на уровне, необходимом для дачи показаний.

Апелляционный суд, ссылаясь на выводы, изложенные в постановлении Верховного Суда от 20 октября 2017 года по делу № СКК-336/2017, указал, что протокол допроса, составленный с нарушением права лица, имеющего право на защиту, на пользование услугами переводчика, следует признать недопустимым доказательством, поскольку содержащиеся в нем сведения получены с нарушением основных принципов уголовного судопроизводства.

[5.2.2] В этой части кассационного протеста прокурор лишь перечислил в хронологическом порядке следственные действия, проведенные с [лицом Б] в ходе досудебного уголовного производства, и указал на зафиксированное в протоколах этих следственных действий объяснение [лица Б] о том, что он желает давать показания на понятном ему русском языке. Прокурор не аргументировал и не опроверг выводы апелляционного суда о том, что доказательства в этой части дела получены с нарушением основных принципов уголовного судопроизводства, касающихся права лица пользоваться знанием им языка и права на справедливое судебное разбирательство. Прося признать эти выводы апелляционного суда необоснованными, прокурор не указал на конкретные нарушения уголовного закона или существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные апелляционным судом, в то время как кассационный суд не может выходить за рамки кассационного протеста в целях ухудшения положения обвиняемого по делу.

[5.2.3] Обосновывая свои выводы в частности тем, что информация, содержащаяся в показаниях свидетеля [лиц. Б], данных 9 и 10 октября 2013 года и в протоколах от 22 и 23 октября 2013 года об осмотре показаний на месте, получена с нарушением основополагающего принципа уголовного судопроизводства о праве на защиту, апелляционный суд указал, что [лиц. Б], будучи допрошенным по делу впервые 22 августа 2013 года в качестве подозреваемого, указал, что на данный момент адвоката у него нет, однако вначале он хотел обсудить все вопросы с адвокатом и не будет давать никаких объяснений без адвоката. Далее, 9 и 10 октября 2013 года, [лиц. Б] был допрошен без приглашения адвоката. Аналогично, допрос показаний на месте [лиц. Б] 22 и 23 октября 2013 года. Свидетель [лиц. Х], проводивший допрос [лица Б],

подтвердил в заседании суда апелляционной инстанции, что допрос [лица Б] в ходе предварительного расследования уголовного дела проводился без участия защитника, и указал, что защитник не был приглашен, поскольку оперативный сотрудник исправительного учреждения сообщил ей, что [лицо Б] в помощи защитника не нуждается, а также в целях экономии государственных средств.

Ссылаясь на статью 88 части второй Уголовно-процессуального закона, апелляционный суд указал, что в случае, если лицо, имеющее право на защиту, ходатайствует об участии защитника, отказ от защитника возможен только в присутствии защитника. Таким образом, принимая во внимание, что [лицо Б] ясно дало понять на первом допросе в ходе предварительного расследования уголовного дела, что будет давать показания только в присутствии защитника, его последующий отказ от защитника мог иметь место только в присутствии защитника. Принятие отказа [лица Б] от защитника без приглашения защитника и допрос [лица Б] без участия защитника нарушили основополагающий принцип уголовного судопроизводства, касающийся права на защитника, в связи с чем полученные доказательства должны быть признаны недопустимыми и недопустимыми в качестве доказательств.

[5.2.4] У Сената нет оснований подвергать сомнению выводы апелляционного суда в этой части. Верховный Суд уже указывал, что право на помощь адвоката является одним из элементов обеспечения права на справедливое судебное разбирательство и что необоснованное ограничение этого права противоречит основополагающему принципу уголовного судопроизводства, закрепленному в статье 15 Уголовно-процессуального закона, – праву на справедливое судебное разбирательство (*решение Верховного Суда от 15 октября 2015 года по делу № СКК-Ж-572/2015*).

Европейский суд по правам человека также признал, что право на доступ к адвокату является основополагающим правом на справедливое судебное разбирательство, оно обеспечивает эффективность других гарантий, предусмотренных статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, и, соответственно, отказ в этом праве должен отвечать стандарту преднамеренного и разумного отказа (*решение Европейского суда по правам человека от 13 сентября 2016 г. по делу Ибрагим и другие против Соединенного Королевства, жалобы № 50541/08, 50571/08, 50573/08 и 40351/09, пункт 272; решение Европейского суда по правам человека от 24 сентября 2009 г. по делу Пицальников против России, жалоба № 7025/04, пункт 77*). В то же время суд указал, что даже если обвиняемому были разъяснены его права, он может отказаться от адвоката, однако, если обвиняемый обратился за помощью, необходимы дополнительные меры защиты, поскольку, если у обвиняемого нет адвоката, у него меньше возможностей получить разъяснения своих прав и, следовательно, меньше вероятность того, что они будут соблюдены (*постановление Европейского суда по правам человека от 24 сентября 2009 г. по делу «Пицальников против России», жалоба № 7025/04, пункт 78*).

Часть вторая статьи 88 Уголовно-процессуального закона содержит дополнительные гарантии права на защиту для лица, ранее ходатайствовавшего об участии защитника. Установив нарушение условий, содержащихся в указанной норме, суд апелляционной инстанции обоснованно установил, что доказательства по делу получены с нарушением основных принципов уголовного судопроизводства, касающихся права на защиту и права на справедливое судебное разбирательство, в

связи с чем они подлежат признанию недопустимыми и недопустимыми в качестве доказательств.

В этой части кассационного протеста прокурор лишь перечислил в хронологическом порядке следственные действия, проведенные с [лицом Б] в ходе досудебного уголовного производства, и указал на зафиксированное в протоколах этих следственных действий объяснение [лица Б] о том, что он желает давать показания без участия адвоката. Прокурор не оспорил и не опроверг выводы суда апелляционной инстанции о допущенном в деле нарушении статьи 88 части второй Уголовно-процессуального закона, характере этого нарушения и его влиянии на допустимость полученных доказательств. Указания, содержащиеся в кассационном протесте прокурора на то, что суд в соответствии с частью третьей статьи 130 Уголовно-процессуального закона должен был оценивать эти доказательства в совокупности с другими доказательствами, полученными по делу, следует признать необоснованными. Статья 130 части третьей Уголовно-процессуального закона устанавливает критерии признания доказательств ограниченно допустимыми и условия использования таких доказательств в качестве доказательств. Одним из таких условий является подтверждение достоверности ограниченно допустимых сведений иными сведениями, полученными в ходе процесса. При этом Сенат отмечает, что суд апелляционной инстанции не признал сведения, содержащиеся в показаниях свидетеля [лица Б], данных 9 и 10 октября 2013 года, и в протоколах от 22 и 23 октября 2013 года об осмотре показаний на месте происшествия, ограниченно допустимыми в соответствии с частью третьей статьи 130 Уголовно-процессуального закона, а недопустимыми в соответствии с пунктами 3 и 4 части четвертой статьи 130 Уголовно-процессуального закона. Такие сведения не могут быть использованы в качестве доказательств независимо от их соответствия иным условиям оценки достоверности этих сведений.

[5.3] Апелляционный суд оценил другие полученные по делу доказательства и установил, что они не доказывают обстоятельства, указанные в обвинительном заключении, предъявленном [лицу А] по статье 253.¹ части 3 и статье 190.¹, части 3 Уголовного закона. Суд установил, что не получено достоверных и допустимых доказательств по делу о том, что в соответствии с ранее достигнутым соглашением и распределением ролей в организованной группе обвиняемый [лицо А] незаконно приобрел в Аргентине наркотическое вещество – кокаин в крупном размере, уведомил об этом участников организованной группы в Литве и Латвии, забронировал гостиницу для лица, которое должно было незаконно доставить кокаин в Латвию, встретился с этим лицом в Аргентине и передал ему капсулы с кокаином, встретился с этим лицом по месту его жительства в Латвии, получил и распределил кокаин среди участников организованной группы и далее продал его, получив прибыль. Суд основывал свои выводы на детальной оценке доказательств, полученных по делу, в том числе на тех, на которые ссылался прокурор в кассационном протесте. Указания прокурора в кассационном протесте на нарушения статьи 21 Уголовного закона и статей 124, 127, 511 и 512 Уголовно-процессуального закона выражены в форме утверждения, без надлежащего правового анализа и обоснования, и, кроме того, связаны с иным мнением прокурора относительно фактических обстоятельств дела, достоверности и достаточности доказательств. Сенат уже неоднократно указывал, что понятие достоверности доказательств и требования к их оценке изложены в статье 128 Уголовно-процессуального закона, однако выбор, каким доказательствам доверять, а

каким нет, относится к компетенции суда, рассматривающего дело по существу. Вопрос о том, достаточны ли имеющиеся в деле доказательства для установления виновности обвиняемого, также является вопросом существа, который не может быть рассмотрен в кассационном порядке. Критерием достаточности доказательств является наличие или отсутствие обоснованных сомнений в виновности обвиняемого, оценка которых также относится к компетенции суда, рассматривающего дело по существу (*Решение Верховного Суда от 17 сентября 2013 года по делу № SKK-267/2013 (11092109509)* , *Решение Верховного Суда от 17 марта 2016 года по делу № SKK-J-10/2016 (11810039108)* , *Решение Верховного Суда от 27 декабря 2019 года по делу № SKK-433/2019 (ECLI:LV:AT:2019:1227.11089238414.8.L)*). Суд кассационной инстанции не переоценивает полученные по делу доказательства в соответствии с третьим пунктом статьи 569 Уголовно-процессуального кодекса Закон. Кроме того, прокурор должен Прокурор основывал свои выводы о виновности обвиняемого [лица А] в уголовных преступлениях, предусмотренных статьей 253.¹ частью 3 и статьей 190.¹ , частью 3 Уголовного закона, на обстоятельствах дела, которые были установлены судом первой инстанции, но признаны недоказанными судом апелляционной инстанции. Прокурор не указал в кассационном протесте на какие-либо нарушения уголовно-процессуального закона при оценке доказательств, а субъективное мнение прокурора об оценке полученных по делу доказательств, если суд не допустил существенных нарушений уголовно-процессуального закона при оценке доказательств, не может быть основанием для отмены постановления апелляционного суда.

[5.4] Суд апелляционной инстанции переквалифицировал действия обвиняемого [лица А] из части первой статьи 253.1 Уголовного закона в часть первую статьи 253.1 Уголовного закона, а также признал обвиняемого невиновным и оправдал его по обвинению по части первой статьи 190.1 Уголовного закона¹, что не получено достаточных доказательств по делу о том, что обвиняемый незаконно приобрел и хранил наркотическое вещество – листья коки – с целью продажи, незаконно перевозил его и незаконно перемещал через государственную границу Латвийской Республики.

Оспаривая постановление суда апелляционной инстанции в этой части, прокурор в кассационном протесте изложила следующие доводы: 1) учитывая, что у суда апелляционной инстанции не возникло сомнений во вменяемости подсудимого, непонятно, почему суд не верит последовательным показаниям подсудимого [лица А] о том, что он сам приобрел листья коки в Венесуэле и привез их в Латвию; 2) суд апелляционной инстанции не указал, какими доказательствами можно было бы опровергнуть показания [лица А] о том, что в 1998 году он приобрел листья коки в Венесуэле.

Сенат признает, что первый аргумент, представленный прокурором, по сути является риторическим вопросом, а второй аргумент – упрек суду за то, что он не представил доказательств, которые не подтверждали бы показания обвиняемого [лица А], – не основан на законе.

Вопреки заявлению в кассационном протесте, апелляционный суд не признал ложными показания подсудимого [лица А] о приобретении наркотического вещества за пределами территории Латвийской Республики и его передаче в Латвию, но указал, что эти показания не подтверждаются другими доказательствами, полученными по делу. Принимая во внимание вышеизложенное и ссылаясь на часть пятую статьи 124 Уголовно-процессуального закона, апелляционный суд пришел к выводу, что

обоснованные сомнения в виновности подсудимого [лица А] в этом отношении не были исключены в ходе доказывания. Суд также подробно обосновал, почему в соответствии со стандартом доказывания, установленным частью пятой статьи 124 Уголовно-процессуального закона, незаконные действия подсудимого [лица А] с наркотическим веществом – листьями коки – не могут быть признаны имеющими умысел на сбыт.

Сенат признаёт, что доводы кассационного протеста прокурора в этой части фактически основаны на ином мнении автора кассационного протеста относительно достаточности доказательств, полученных по делу, тогда как оценка достаточности доказательств в соответствии с законом осуществляется судом, рассматривающим дело по существу. Суд кассационной инстанции, в соответствии с частями первой и третьей статьи 569 Уголовно-процессуального закона, не выясняет фактические обстоятельства дела и не переоценивает полученные по делу доказательства.

[5.5] Учитывая, что прокурор в кассационном протесте не оспаривал выводы апелляционного суда с доводами, которые послужили основанием для признания обвиняемого [лица А] невиновным и оправдания по обвинению по статье 253.¹ части 3, статье 190.¹ частей 1 и 3 Уголовного закона, а также для переквалификации уголовного преступления из статьи 253.¹ части 1 в статью 253 части 1 Уголовного закона, и Сенат не может выйти за пределы кассационного протеста прокурора в целях ухудшения положения подсудимого по делу, кассационный протест прокурора подлежит отклонению как необоснованный, а постановление апелляционного суда подлежит оставлению без изменения.

Оперативная часть

На основании статей 585 и 587 Уголовно-процессуального закона суд

постановил:

оставить решение Рижского окружного суда от 26 сентября 2019 года без изменений, а кассационный протест прокурора Специализированной прокуратуры по борьбе с организованной преступностью и другими видами преступлений Я. Каминской отклонить.

Решение обжалованию не подлежит.